

ЭЛИТАРНЫЙ И ПРОСТОРЕЧНЫЙ ТИПЫ РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ

Просторечные слова и выражения употребляются обычно в некодифицированной речи городских и сельских жителей, имеют наддиалектный, нелитературный или «псевдолитературный» характер.

Русское просторечие уже давно привлекает внимание славистов как особый феномен, порожденный, с одной стороны, историей развития русского литературного языка, с другой – той полной перипетий «языковой политикой», которая проводилась по отношению к этому явлению. В последнее время просторечие не только активно прорвалось в средства массовой информации, но и стало неотъемлемой частью языка художественной литературы. Многие бывшие «пуристы от лингвистики» поэтому резко изменили отношение к просторечию и посвящают ему немало исследований [обзор см. в: Koester-Thoma, 1996].

Просторечие в русистике рассматривается, с одной стороны, как стилистическое средство литературного языка. Этот вид просторечия получил в современной литературе название литературное просторечие [Земская, Кнутагородская 1988, с.167] и довольно широко отражается в толковых словарях современного русского языка. С другой стороны, просторечие рассматривается как речь городских жителей, в которой широко распространены типичные отклонения от норм русского литературного языка.

При этом следует подчеркнуть, что не всякое несоответствие нормам стандартного языка является просторечием. «Просторечие обнаруживается преимущественно в устной речи городских жителей, в которой отсутствует кодовое переключение с просторечия на литературный язык. Существенными являются экстралингвистические параметры: место рождения, возраст, образование, профессия, социальная среда, языковое окружение и подобное, а также детерминанты: спонтанность, непринужденность, непосредственность, неподготовленность речевого акта и др.» [З. Кёстер-Тома 1996, с.51]. Исследованию этого вида просторечия посвящена книга «Городское просторечие. Проблемы изучения» [под ред. Е.А. Земской и Д.Н. Шмелевой. М., 1984].

Относительно недавно появилось представление о принципиальных различиях в использовании языка, связанных с принадлежностью человека к тому или иному типу речевой культуры [см. новое издание энциклопедии «Русский язык», 1996; работы Н.И. Толстого 1991; В.Е. Гольдина, О.Б. Сиротининой 1993; Сиротининой О.Б. 2000; С.Е. Никитиной 1993 и др.].

Как сформировавшиеся и довольно четко очерченные, ими четко выделены элитарный, среднелитературный, просторечный, народно-речевой, арготический (применительно к нашему времени, скорее, жаргонизирующий) типы речевой культуры. При этом в сфере литературного языка манифести-

рукются элитарный и среднелитературный типы. Просторечный, народноречевой и жаргонизирующий остаются за его пределами.

В обращении к знакомым существует резкое различие между просторечно- и литературноговорящими. В просторечии обращение по имени и отчеству не принято (при общении носителей просторечия в своей среде).

Отчество может использоваться самостоятельно как уважительная номинация. Писатели нередко вкладывают в уста персонажа обращение по отчеству как характерологическую примету. Б. Окуджава в рассказе «Искусство кройки и шитья» рисует сельского жителя, который зовет автора *Шалч* (сокращенно от *Шалвович*) и на ты: *Да ты, Шалч, погоди... Ну, Шалч, тебя не переговоришь...*

Е.А. Земская выделяет две формы вежливости: литературную и просторечную, т.е. для просторечных этикетных форм также, по ее мнению, применимо понятие «вежливые», таким образом, статус этикетности остается неизменным: «В функционировании обращений особенно остро чувствуются социальные и культурные различия в оценке правил вежливости. Просторечно говорящие часто, обращаясь к незнакомым, именуют их терминами родства типа *бабуля, дедуля, мамаша, папаша, отец, сынок, дочка*, что соответствует общей особенности просторечия – рассматривать окружающее как свой микромир, нечто близкое, дистанционно не удаленное. Далеко не всякий адресат, однако, рад подобным номинациям. Можно услышать в ответ. *Какая я тебе мамаша? Нашел бабулю!*

Носитель литературного языка воспринимает обращение такого типа как нарушающее его позитивную вежливость: его переводят в нежелательный пожилой возраст. Говорящий же, не задумываясь о подобной реакции, использует эти номинации как вежливые, даже ласковые.

Возникает конфликт двух норм вежливости – литературной и просторечной. Каждый партнер коммуникации по-своему прав, один не нарушает норм своего социума, другой – тоже реагирует согласно своим культурно-социальным обычаям [Земская 1997, с.290-291].

Языковые изменения идут во всех типах речевых культур, в том числе и в элитарном, хотя этот тип по отношению к ним наиболее устойчив. Одни из этих изменений: отказ от вы-общения с родителями, ограниченное использование иностранных этикетных формул приветствия, прощания, извинения, обращения. Ушел из употребления этикет бывших «господ», дореволюционной интеллигенции.

Просторечный тип речевой культуры так же, как и элитарный, по нашему мнению, наиболее устойчив. Например, с послеоктябрьских времен сохранилась форма извинения «извиняюсь», несогласия «ничего подобного».

Наверно, подсознательное неприятие ориентации формул речевого этикета на первое лицо, что противоречит русской этикетной традиции, вызвало у С.И. Карцевского слово «извиняюсь», которое в 20-е годы стало широко употребляемым среди городского населения. «Обычными формулами из-

винения до сих пор служили «извините», «виноват», и даже «пардон», довольно широко распространившиеся, наряду с «мерси», среди городского населения после французских торжеств 1894 года. Теперь они встретили конкурента в виде «извиняюсь», которое было занесено беженцами из западных губерний и, по-видимому, является переводом польского *przepraszam*. Необходимо отметить, что для многих из образованных людей «извиняюсь» представляется выражением очень вульгарным» [Карцевский 1923, с.244].

Встает вопрос: какой же тип речевой культуры является нормативным? Здесь мы поддерживаем мнение О.Б. Сиротининой [Сиротинина 2000, с.247-248]. В речевой практике тексты самого высокого этико-эстетического качества порождают только носители элитарной культуры (НЭК), поскольку именно этот тип внутринациональной речевой культуры отличает безукоризненное владение коммуникативными и риторическими нормами, умение управлять коммуникативным процессом в любых, в том числе публичных, незапланированных и даже экстремальных ситуациях общения, а также наиболее привлекательные личностные качества говорящего [Кочеткова 1993, с.94].